

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

10 минут 38 секунд
в этом странном мире

Стамбульский бастард

Остров пропавших
деревьев

Элиф
Шафак

ОСТРОВ
ПРОПАВШИХ
ДЕРЕВЬЕВ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ш 30

Elif Shafak
THE ISLAND OF MISSING TREES
Copyright © Elif Shafak, 2021
This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-20520-8

© О. Э. Александрова, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2022
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается эмигрантам и изгнанникам,
вырванным с корнем, заново укоренившимся
и лишившимся своих корней,
и оставленным нами деревьям,
пустившим корни в наших воспоминаниях...*

Кто не знает чилийского леса — не знает нашей планеты. На этих землях, на этой почве родился я, из этого молчания я вышел в мир, чтобы странствовать по нему и петь.

*Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. Воспоминания
(Перевод Л. П. Синянской, Э. В. Брагинской,
П. М. Грушко)*

Он хочет крови. Кровь смывают кровью. Преданье есть: сходили камни с мест, деревья говорили...

*У. Шекспир. Макбет, акт III
(Перевод Б. Пастернака)*

Остров

Давным-давно, в незапамятные времена, на краю Средиземного моря лежал лазоревый остров такой неземной красоты, что влюбившиеся в него путешественники, пилигримы и крестоносцы не желали оттуда уезжать, а кое-кому даже хотелось привязать остров канатами, чтобы отбуксировать в свою страну.

Впрочем, все это, возможно, легенды.

Но легенды на то и существуют, чтобы поведать нам то, о чем забыла история.

Прошло много лет с тех пор, как я навсегда покинула это райское место на борту самолета, в чемодане из мягкой черной кожи. С тех пор меня удочерила другая страна, Англия, где я росла и цвела пышным цветом. Но не было и дня, чтобы я не мечтала вернуться. Домой. На свою родину.

Моя родина, должно быть, все еще там, где я ее оставила: среди пенистых волн, бьющихся о рваную береговую линию. На пересечении дорог трех континентов — Европы, Африки, Азии — и Леванта, обширного непроходимого региона, бесследно исчезнувшего с современных карт.

Карта — это двухмерное представление с произвольно нанесенными символами и врезанными линиями, призванными решать, кто будет нашим врагом, а кто — другом, кто заслуживает нашей любви, кто — ненависти, а кто — безразличия.

Картография — еще одно название для историй, рассказываемых победителями.

Для историй, рассказываемых проигравшими, названия нет.

Вот что я помню: золотые пляжи, бирюзовые воды, прозрачные небеса. Каждый год морские черепахи выползали на сушу, чтобы отложить яйца в рыхлом песке. Предвечерний ветер разносил ароматы гардении, цикламенов, лаванды, жимолости. Исполненные надежд, словно истинные мечтатели, развесистые плети глицинии карабкались по беленым стенам домов, пытаясь дотянуться до облаков. Когда ночь покрывала тебя поцелуями, в ее дыхании чувствовался запах жасмина. Ласковая луна, нависавшая над крышами домов, озаряла ярким, живым светом переулки и мощеные улочки. И все же мрачным теням удавалось просочиться сквозь свет. Тревожные, заговорщицкие шепотки пульсировали в темноте. Ведь остров был расколот на две части: северную и южную. И в каждой был другой язык, другой алфавит, другая память, и когда островитяне молились, то чаще всего разным богам.

Столица была разделена буферной зоной, разрезавшей город подобно ране на сердце. Вдоль демаркационной линии виднелись изрешеченные пулями ветхие дома, перепаханые взрывами гранат дворы, обреченные на разрушение заколоченные лавки, криво висевшие на сломанных петлях узорчатые ворота, ржавевшие под слоем пыли роскошные старые автомобили. Дороги были заблокированы мотками колючей проволоки, мешками с песком, бочонками с цементом, противотанковыми рвами и сторожевыми вышками. Улицы резко заканчивались, словно оборванные мысли и не нашедшие выхода чувства.

Солдаты с автоматами совершали патрулирование или несли охрану демаркационной линии: молодые, скучающие, одинокие мужчины из самых разных уголков мира, которые почти ничего не знали об острове и о его сложной истории, пока их не швырнули в это непривычное окружение. Все стены заклеены официальными предупреждениями, написанными яркими прописными буквами.

ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН.

НЕ ПОДХОДИТЬ. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА!
ФОТО- И КИНОСЪЕМКА ЗАПРЕЩЕНЫ.

Какой-то прохожий, нарушив закон, написал мелом на баррикаде из бочек:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НИЧЬЮ ЗЕМЛЮ!

Линия раздела, пересекающая Кипр от края до края, — патрулируемая миротворческими силами ООН буферная зона сто десять миль длиной; в одних местах ее ширина составляет четыре мили, а в других — всего-навсего несколько ярдов. Она проходит через заброшенные деревни, внутренние районы побережья, болота, залежные земли, сосновые леса, плодородные долины, медные рудники и археологические раскопки, изменяя свое направление, словно высохшее русло древней реки. Но линия эта пересекала и окружала столицу, где становилась гораздо заметнее, ощутимее и, таким образом, навязчивее.

Никосия — единственная разделенная столица в мире.

При таком описании это кажется вполне позитивной вещью: есть тут нечто особенное, если не уникальное, ощущение вызова законам притяжения, будто одинокая песчинка, устремленная вверх в перевернутых песочных часах. Но на самом деле Никосия

вовсе не являлась исключением. Просто еще одно название в списке сегрегированных и разделенных сообществ, ушедших в историю, и тех, кто на очереди. Хотя в тот момент Никосия стояла особняком. Последний разделенный город Европы.

Мой родной город.

Существует масса вещей, для которых граница, даже такая четко очерченная и хорошо охраняемая, как эта, не является препятствием. Это пассатные ветры, на удивление сильные, но получившие тающие на языке названия: *мельтем* или *мельтеми*¹. Это бабочки, кузнечики, ящерицы. Улитки, хотя и болезненно медлительные. Ну и время от времени детский воздушный шарик, который, вырвавшись на свободу, взмывает высоко в небо и перелетает на вражескую территорию.

А еще птицы. Голубые цапли, черноголовые овсянки, осоеды, желтые трясогузки, дымчатые пеночки, нубийские сорокопуты и мои любимые обыкновенные иволги. Мигрирующие из Северного полушария в основном по ночам, когда темнота сгущается на кончиках крыльев и рисует вокруг глаз красные круги, иволги делают на острове остановку посреди долгого пути, после чего направляются дальше в сторону Африки. Для них остров — это место отдыха, пробел в истории, лагуна.

В Никосии есть гора, где кормятся птицы с самым различным оперением. Она сплошь поросла ежевикой, жгучей крапивой и кустами вереска. Среди густых зарослей прячется старый колодец с прохудившимся за ненадобностью и облепленным водоросля-

¹ *Мельтем* (тур.), или *мельтеми* (греч.), — регулярный, внезапно начинающийся летний северо-восточный ветер на побережье.

ми железным ведром на веревке. Внутри колодца темно, хоть глаз выколи, и очень холодно даже под палящим полуденным солнцем. Колодец — это прожорливый рот в ожидании пропитания. Он пожирает каждый лучик света, каждую крупицу тепла, удерживая каждую пылинку в своей бездонной каменной глотке.

Если вы случайно окажетесь поблизости и если, ведомые инстинктом или любопытством, нагнетесь над колодцем, посмотрите вниз и дадите глазам привыкнуть, то заметите в глубине колодца загадочный блеск. Но не дайте ему себя обмануть. Там, внизу, нет рыбы. Нет змей. Нет скорпионов. Нет пауков, свисающих на шелковых нитях. Этот блеск исходит не от живого существа, а от старинных золотых (восемнадцать каратов) карманных часов, инкрустированных перламутром и с выгравированными стихотворными строками:

Прибытие написано тебе на роду.
Но путешествоуй неспешно...¹

А на задней части часов всего две буквы:

Й и Ю

Глубина колодца — тридцать четыре фута, ширина — четыре фута. Он сделан из уложенных ровными рядами тесаных камней, спускающихся к безмолвным затхлым водам внизу. На дне колодца покоятся двое мужчин. Хозяева популярной таверны. Оба худощавого телосложения, среднего роста, очень лопухие, что служило предметом обоюдного подшучивания. Оба родились и воспитывались на острове, обоим было за сорок, когда их похитили, изувечили и уби-

¹ *К. Кавафис*. Итака. Пер. Галины Изъер.

ОСТРОВ ПРОПАВШИХ ДЕРЕВЬЕВ

ли. Сковали одной цепью и бросили в колодец, а для надежности привязали к цепи трехлитровую банку из-под оливкового масла с цементом. Карманные часы, которые были у одного из них при себе в день похищения, остановились ровно в двадцать три часа пятьдесят две минуты.

Время — это певчая птица, и, как и любую певчую птицу, его можно поймать. И держать, точно пленника, в клетке даже дольше, чем хватит воображения. Но время невозможно контролировать до бесконечности.

Никакое заточение не длится вечно.

В один прекрасный день ржавчина от воды проест металл и цепи лопнут, а твердое бетонное сердце смягчится подобно тому, как с годами смягчаются самые твердые сердца. И тогда получившие наконец свободу тела, мерцая в отраженном солнечном свете, всплывут навстречу клочку неба над головой. Они начнут подниматься к блаженной голубизне сперва медленно, а затем быстро и лихорадочно, словно ловцы жемчуга, жаждущие глотнуть свежего воздуха.

Рано или поздно старый полуразвалившийся колодец на одиноком прекрасном острове в дальнем конце Средиземного моря окончательно развалится, и его тайна всплывет на поверхность. Ведь все тайное неизбежно становится явным.

Часть
первая

КАК ЗАКОПАТЬ ДЕРЕВО

Девочка по имени Остров

Англия, конец 2010-х годов

В средней школе Брук-Хилл на севере Лондона шел последний урок года. Классная комната учащихся последнего года обучения. Урок истории. Пятнадцать минут до звонка. Ученики нетерпеливо ерзали в предвкушении рождественских каникул. Все ученики, за исключением одного.

Ада Казандзакис, шестнадцати лет от роду, сидела, как всегда спокойно и сосредоточенно, на своем месте у окна в заднем ряду. Ее волосы цвета полированного красного дерева были собраны в длинный конский хвост. Ее лицо с тонкими чертами было напряжено и вытянуто, а большие карие оленьи глаза говорили о нехватке сна накануне ночью. Она вовсе не предвкушала праздничный сезон, и ее отнюдь не вдохновляла перспектива первого снегопада. Время от времени она украдкой поглядывала в окно, но выражение ее лица при этом оставалось прежним.

Около полудня пошел град; молочно-белые ледяные катышки сбивали с деревьев последние листья, барабанили по навесу для велосипедов, отскакивали от земли, отбивая дикую чечетку. Затем град улегся, но даже невооруженным глазом было видно, что погода решительно испортилась. И вот-вот разразится снежная буря. Утром по радио объявили, что в ближайшие сорок восемь часов Британия окажется в зоне влияния полярного вихря, который принесет с собой аномально низкие температуры, ледяные дожди

и метели. Перебои с водоснабжением, отключение электричества и прорывы основных сетей жизнеобеспечения могли парализовать ряд районов Англии и Шотландии, а также Северной Европы. Люди запасались всем необходимым: рыбными консервами, печеными бобами, пастой, туалетной бумагой, — словно готовились к длительной осаде.

Учащиеся весь день жаловались на непогоду, опасаясь срыва планов на каникулы и предстоящих поездок. Но только не Ада. Девушку не ждали ни семейные сборища, ни экзотические пункты назначения. Ее отец не собирался никуда ехать. У него была срочная работа. Всегда срочная работа. Отец Ады был неисправимым трудоголиком, что мог бы подтвердить любой, кто его знал, а после смерти жены он углубился в свои исследования, подобно норному животному, которое роет подземный ход в поисках тепла и безопасности.

На каком-то этапе своего детства Ада вдруг поняла, что ее отец совсем не похож на других отцов, однако не смогла отнестись с пониманием к его увлечению растениями. Другие отцы работали в офисах, магазинах или правительственных учреждениях и носили хорошо сшитые костюмы, белые рубашки и начищенные черные туфли, тогда как ее отец вечно ходил в непромокаемой куртке, оливковых или коричневых молескиновых штанах и потрепанных ботинках. Вместо портфеля у него была сумка через плечо, в которой лежали самые разнообразные вещи вроде лупы, набора для препарирования, гербарной сетки, компаса и блокнотов. Другие отцы беспрестанно разглагольствовали о бизнесе и пенсионных планах, но отца Ады больше интересовало токсичное воздействие пестицидов на созревание семян или экологические последствия заготовки древесины. Он го-

ворил о пагубном воздействии вырубки лесов с такой страстью, какую другие мужчины приберегали для рассказов о колебаниях курса акций в их личном портфеле. Эколог-эволюционист и ботаник, он опубликовал двенадцать книг. Одна из них называлась «Загадочное королевство. Как грибы сформировали наше прошлое и меняют наше будущее». Другая его монография была посвящена роголистникам, печеночникам и мхам. На обложке художник изобразил каменный мост над ручьем, пенящимся вокруг покрытых бархатистой зеленью камней. Над этой романтической картинкой сияло написанное золотом название: «Справочник по типичным бриофитам Европы». А внизу прописными буквами напечатана фамилия автора: КОСТАС КАЗАНДЗАКИС.

Ада понятия не имела, кто станет читать книги типа тех, что пишет ее отец, и не осмеливалась упомянуть о них в школе. Не хотела давать одноклассникам лишний повод считать ее, Аду, да и всю семью странными.

Независимо от времени суток отец Ады явно предпочитал общество деревьев обществу людей. Он всегда был таким, но мать Ады, когда была жива, умела умерять его эксцентричность, возможно, потому что сама отличалась от других. Однако после смерти матери Ада почувствовала, что отец постепенно отдаляется от нее, а быть может, это она отдалялась от него. Трудно сказать, кто кого избегал в этом доме, пропитанном миазмами скорби. И так, они останутся в Лондоне, они оба, и не только пока длится буря, но и на все Рождество. Ада надеялась, что отец не забыл сходить за покупками.

Она перевела глаза на свой блокнот. На открытой странице, в самом низу, она еще раньше нарисовала бабочку. И сейчас очень медленно обвела крылья, настолько хрупкие, что вот-вот сломаются.

— Эй, у тебя есть жвачка?

Выйдя из задумчивости, Ада повернула голову. Девочке нравилось сидеть сзади, хотя это означало соседство с Эммой Роуз, у которой была отвратительная манера хрустеть костяшками пальцев, постоянно жевать жвачку, что в школе было категорически запрещено, и муссировать никому не интересные, кроме нее, темы.

— Нет. Прости. — Покачав головой, Ада нервно посмотрела на учительницу.

— История — это самый увлекательный предмет, — продолжала говорить миссис Уолкотт; ее уличные туфли стояли за учительским столом, словно для острастки учеников, всех двадцати девяти, ей нужна была баррикада сзади. — Разве можно строить будущее, не зная своего прошлого?

— Ой, терпеть ее не могу! — едва слышно прошептала Эмма Роуз.

Ада не стала это комментировать. Тем более что она не была уверена, кого именно имела в виду Эмма Роуз: ее или учительницу. Если первое, то ей, Аде, нечего сказать в свою защиту. Если последнее, то она не собиралась присоединяться к поношению учительницы. Аде нравилась миссис Уолкотт, которая при самых благих намерениях испытывала некоторые трудности с поддержанием дисциплины в классе. Ада слышала, что учительница несколько лет назад потеряла мужа, и неоднократно представляла себе ежедневную жизнь миссис Уолкотт: как она по утрам вытаскивала свое пухлое тело из постели, поскорее бежала в душ, пока не закончилась горячая вода, рылась в шкафу в поисках подходящего платья, не слишком отличавшегося от вчерашнего подходящего платья, готовила на скорую руку завтрак для своих близнецов, после чего с виноватым лицом и извиняющимися нотками в голосе закидывала их

в детский сад. А еще Ада представляла, как ее учительница трогала себя ночью в постели, рисуя руками круги под хлопковой ночнушкой, и как приглашала к себе мужчин, оставлявших мокрые следы на ковре и горечь в душе.

Ада не знала, насколько ее фантазии совпадали с реальностью, хотя и подозревала, что все происходило именно так. Это было ее особым даром. Возможно, единственным. Она умела распознавать грусть других людей так же, как животные за милю чуют себе подобных.

— Хорошо, класс. Последнее замечание перед тем, как я вас отпущу! — хлопнула в ладоши миссис Уолкотт. — После каникул мы приступим к изучению миграции и смены поколений. Это будет приятным отвлечением перед тем, как мы засучив рукава займемся подготовкой к экзаменам для получения аттестата о среднем школьном образовании. Поэтому я хочу попросить вас взять во время каникул интервью у какого-нибудь пожилого родственника. Лучше всего у бабушки и дедушки, но, в принципе, можно у любого другого члена семьи. Узнайте у них, что интересного было в их молодости, и возвращайтесь с эссе на четыре-пять страниц. — По классной комнате прокатился дружный вздох разочарования, однако миссис Уолкотт, проигнорировав негативный настрой класса, продолжила: — И постарайтесь подкрепить ваше сочинение историческими фактами. Я хочу получить обоснованное исследование, а не пустые домыслы. — (Очередные охи и вздохи.) — Ой, и не забудьте проверить, нет ли у вас дома каких-либо фамильных вещей: старинного кольца, подвенечного платья, комплекта винтажного фарфора, лоскутного одеяла ручной работы, шкатулки с письмами или семейными рецептами, короче, с любыми памятными вещами.

Ада опустила глаза. Она никогда не видела своих родственников ни со стороны отца, ни со стороны матери, хотя знала, что они живут где-то на Кипре, и этим ее знания ограничивались. Что они за люди? Чем занимались? Узнают ли ее, Аду, случайно встретившись с ней на улице или столкнувшись в супермаркете? Единственной близкой родственницей, о которой она слышала, была некая тетя Мерьем, которая присылала жизнерадостные открытки с изображением солнечных пляжей и цветущих лугов, что шло вразрез с полным отсутствием тети Мерьем в жизни Ады и ее отца.

Если родственники Ады были для нее тайной за семью печатями, то Кипр оставался еще большей загадкой. Она видела в Интернете картинки, но ни разу не была в месте, в честь которого ее назвали.

На родном языке матери девочки имя Ада означало «остров». В раннем детстве Ада считала, что ее назвали в честь Британских островов, единственных островов, которые она когда-либо знала, и уж потом поняла, что на самом деле это совсем другой остров, далеко отсюда, где ее и зачали. Открытие смутило и даже взволновало Аду. Это, во-первых, напомнило ей о том, что родители занимались сексом, о чем ей не хотелось думать; а во-вторых, неизбежно связывало Аду с местом, существовавшим лишь в ее воображении. И тогда она дополнила своим именем коллекцию неанглийских слов, которые обычно носила в карманах. Эти слова при всей своей необычности и красочности по-прежнему казались далекими и непостижимыми, словно идеальная галька, которую ты подобрал на берегу и принес домой, толком не зная, что с ней делать. У Ады накопилось достаточно подобных слов. И кое-каких идиом. А еще песенок и веселых мотивов. Но вся штука была в том, что родите-

ли не научили дочь своим родным языкам, предпочитая общаться дома исключительно по-английски. Ада не знала ни греческого, родного языка отца, ни турецкого — языка матери.

Когда, став постарше, Ада спрашивала, почему они до сих пор не съездили на Кипр повидать родственников или почему родственники не приезжают к ним в гости в Англию, родители выдавали ей целый набор отговорок. Время неподходящее, слишком много работы или чрезмерные расходы, которых не потянуть... И постепенно в душу Ады стало закрадываться подозрение, что, возможно, родственники родителей не одобрили их брак. А значит, и ее, как плод этого брака, тоже на самом деле не одобрили. Однако Ада до последнего лелеяла надежду, что если бы хоть кто-нибудь из их многочисленных родственников провел время с ней и ее родителями, то им простили бы все то, чего так долго не могли простить.

Впрочем, после маминой смерти Ада перестала задавать вопросы о своей родне. Раз уж эти люди не пришли на похороны кого-то из своих, то вряд ли у них есть хотя бы капля любви к ребенку покойной — девочке, которую они в глаза не видели.

— Когда будете брать интервью, не судите строго старшее поколение, — сказала миссис Уолкотт. — Слушайте внимательно и постарайтесь посмотреть на вещи их глазами. И не забудьте записать весь разговор.

Учительницу прервал сидевший в переднем ряду Джейсон:

— А если нам придется брать интервью у нацистского преступника, с ним тоже нужно быть милым?

— Ну это уже крайности, — вздохнула миссис Уолкотт. — Нет, я отнюдь не требую от вас, чтобы вы были милыми с такого рода людьми.

Джейсон ухмыльнулся, словно заработал очко.

— Мисс! — пропела Эмма Роуз. — У нас дома есть старинная скрипка. Она может считаться фамильной вещью?

— Конечно. Если скрипка принадлежала нескольким поколениям вашей семьи.

— О да, она у нас уже очень давно, — просияла Эмма Роуз. — Мама говорит, скрипку изготовили в Вене в девятнадцатом веке. Или в восемнадцатом? Короче, скрипка очень ценная, но мы не собираемся ее продавать.

Руку поднял Зафар:

— У нас есть сундук для приданого, который принадлежал моей бабушке. Она привезла его с собой из Пенджаба. Сундук подойдет?

У Ады глухо стукнуло сердце, и она уже не слышала ответа учительницы или конец разговора. Девочка напряглась, стараясь не смотреть на Зафара, чтобы не выдать своих чувств.

Месяц назад их с Зафаром неожиданно поставили в пару для научного проекта: им нужно было собрать прибор для измерения калорийности различных видов пищи. После нескольких дней бесплодных попыток договориться о встрече Ада сдалась и самостоятельно выполнила большую часть исследования. Подобрала научные статьи, купила набор инструментов, собрала калориметр. В результате им обоим поставили «отлично». Зафар с едва заметной улыбкой поблагодарил Аду, но его «спасибо» прозвучало настолько неуклюже, что это можно было объяснить нечистой совестью, равно как и полным равнодушием. С тех пор они больше не разговаривали.

Ада еще ни разу не целовалась с мальчиком. Всем девочкам ее возраста было что рассказать — правду или вымысел, — когда они собирались в раздевалке

до или после урока физкультуры, но только не Аде. Ее молчание не ускользнуло от внимания одноклассниц, сделав Аду объектом насмешек и розыгрышей. Однажды она нашла в своем рюкзаке порнографический журнал, засунутый туда чьими-то шаловливыми руками специально, чтобы напугать ее до мокрых штанов. Весь день Ада ходила сама не своя, опасаясь, что учитель обнаружит журнал и сообщит отцу. Не то чтобы она так же сильно боялась отца, как многие одноклассники боялись своих. Нет, Ада испытывала отнюдь не страх. И даже не вину, когда решила оставить журнал у себя. Она не рассказала отцу об этом инциденте, впрочем как и о многих других, совсем по другой причине. Ада перестала делиться с отцом с тех пор, как на подсознательном уровне поняла, что должна ограждать его от любой новой боли.

Если бы мама была жива, Ада, возможно, и показала бы ей журнал. Возможно, они пролистали бы журнал вместе, весело хихикая. И возможно, обсудили бы его с кружкой горячего шоколада в руках, вдыхая ароматный пар. Ее мама понимала непокорные мысли, непослушные мысли, она умела видеть *обратную сторону Луны*. Она даже как-то раз полуплутиливо сказала, что слишком строптивая, чтобы быть хорошей матерью, и слишком хорошая мать, чтобы быть стропливой. И только теперь, после маминой смерти, Ада наконец поняла: несмотря ни на что, мама была хорошей матерью, оставаясь при этом стропливой. После ее смерти прошло ровно одиннадцать месяцев и восемь дней. Первое Рождество, которое Аде придется встречать без матери.

— Ада, а ты что думаешь? — неожиданно спросила ее миссис Уолкотт. — Ты с этим согласна?

Девочке, вернувшейся к своему рисунку, потребовалась еще секунда, чтобы, оторвав взгляд от ба-

бочки, понять, что учительница на нее смотрит. Ада покраснела до корней волос. Ее спина напряглась, словно тело уже почуяло опасность, которую еще предстояло осознать. Когда к Аде наконец вернулся дар речи, ее голос так сильно дрожал, что она даже засомневалась, удалось ли ей хоть что-то произнести.

— Прощу прощения?

— Я спросила, как, по-твоему, Джейсон прав или нет?

— Простите, мисс... прав насчет чего?

По классу прокатилось сдавленное хихиканье.

— Мы говорили о семейных ценностях, — устало улыбнулась миссис Уолкотт. — Зафар упомянул сундук для приданого своей бабушки. А Джейсон сказал, что только женщины цепляются за сувениры и безделушки из прошлого. И мне хотелось бы узнать, согласна ты с этим заявлением или нет.

Ада проглотила ком в горле. И почувствовала, как застучало в висках. Ее окутала тишина, плотная и вязкая. Девочка представила, как тишина эта растекается темными чернилами по связанным крючком белым салфеточкам вроде тех, что она однажды нашла в ящике маминогo туалетного столика. Аккуратно разрезанные — на грани одержимости — на мелкие кусочки, переложенные папиросной бумагой, словно мать Ады не могла оставить их в прежнем виде, но и выбросить тоже не могла.

— Есть какие-нибудь мысли? — Голос миссис Уолкотт звучал ласково, но настойчиво.

Медленно, толком не понимая зачем, Ада поднялась, ножки стула пронзительно царапнули по каменным плитам пола. Ада откашлялась, хотя не имела абсолютно никакого понятия, о чем говорить. В голове стало пусто. Испуганная бабочка на открытой странице взмыла в воздух в отчаянном стремлении

улететь, хотя недорисованные и размытые по краям крылья были слишком слабы.

— Я... я не думаю, что так делают только женщины. Мой папа, например, тоже.

— Также делает? — удивилась миссис Уолкотт. — И что именно?

Теперь уже все одноклассники уставились на Аду, ожидая, что она скажет хоть что-то осмысленное. У одних в глазах сквозила тихая жалость, у других — неприкрытое безразличие, что для Ады было даже предпочтительнее. Она чувствовала себя оторванной от их коллективных ожиданий, в ушах росло давление, будто она уходила под воду.

— Ты можешь привести нам пример? — попросила учительница. — Что именно собирает твой папа?

— Хм... Мой папа... — протянула Ада и запнулась.

Что она могла им о рассказать о своем папе? Что иногда он забывал есть и даже говорить, а потому целыми днями питался кое-как и не произносил ни единой законченной фразы, или что папа, будь у него такая возможность, провел бы остаток жизни в саду за домом, а еще лучше — где-нибудь в лесу, зарывшись руками в землю, в окружении бактерий, грибов и всех тех растений, которые вырастают и тотчас же погибают? Что такого она могла рассказать о своем папе, чтобы одноклассники поняли, какой он человек, если она сама с трудом его узнавала?

Поэтому Ада произнесла лишь одно слово:

— Растения.

— Растения... — эхом повторила миссис Уолкотт, ее лицо озадаченно скривилось.

— Мой папа их обожает! — выпалила Ада, сразу же пожалев о выборе слов.

— Ой, какая прелесть!.. Он влюблен в цветочки! — сладким голосом произнес Джейсон.

Содержание

Остров	9
Часть первая. КАК ЗАКОПАТЬ ДЕРЕВО	15
Часть вторая. КОРНИ	95
Часть третья. СТВОЛ	181
Часть четвертая. ВЕТВИ	243
Часть пятая. ЭКОСИСТЕМА	329
Часть шестая. КАК ОТКОПАТЬ ДЕРЕВО	393
К читателю	436
Словарь	439
Благодарности	443

Шафак Э.

Ш 30 Остров пропавших деревьев : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ. О. Александровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-20520-8

Кипр. 1974 год. Пара юных влюбленных, грек Костас и турчанка Дефне, тайно встречаются в романтической таверне под сенью старого фигового дерева, растущего прямо в зале. Дерево это становится свидетелем трагических событий, расколовших пополам некогда мирный прекрасный остров, исковеркавших судьбы его обитателей и, казалось, навсегда разлучивших Костаса и Дефне...

Лондон. Конец 2010-х годов. В саду дома, где с Костасом живет его шестнадцатилетняя дочь Ада, растет молодое фиговое дерево. Для Ады это единственное связующее звено с островом, где она никогда не была, и с драматической историей ее семьи, которая, подобно дереву, уходит корнями в далекое прошлое...

«Остров пропавших деревьев» — трогательная, романтическая история любви на фоне междоусобиц и ужасов гражданской войны.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК
ОСТРОВ
ПРОПАВШИХ ДЕРЕВЬЕВ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.01.2022. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,84.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABA-29396-01-R